

А. И.
ЭРТЕЛЬ

Сочинения

Александр Иванович Эртель

Степная сторона

«Вот и теперь, когда тусклый свет петербургского полдня тускло брезжит в мою тесную, затхлую квартиру, когда в запыленные окна виднеется лишь узкий, как колодезь, двор да клочок серого холодного неба, когда с улицы доносится назойливый треск экипажей, лязг лошадиных копыт и возгласы кучеров, — вспоминаю я далекую родину...»

Александр Иванович Эртель
Степная сторона

Не отличается живописным разнообразием природа степного края. Нет там высоких гор, красиво увенчанных многолюдными селами и торговыми городами, потонувшими в густой зелени садов; нет и многоводных рек, с ранней весны до поздней осени горделиво несущих и дерзко свистящие пароходы, и неуклюжие дощаники⁽¹⁾, и грациозные расшивы...⁽²⁾ Нет и стекловидных озер, поэтично сверкающих среди тихих лесистых берегов, — озер, усеянных веселыми островами, богатых рыбою, чистых и глубоких... Нет ничего этого. Ни красою Поволжья, ни угрюмою прелестью замосковского северного края, ни диким величием глухого Полесья не влечет к себе моя родина. Куда ни глянешь — все поля да поля... Мелькнет осиновый куст, засинеет далекий лес, зачернеют на горизонте два-три кургана, блеснет на солнышке степной прудок или поросшая коблами речка, бросится в глаза барская усадьба с ярко-зелеными и красными кровлями своих построек, вспыхнут там и сям позолоченные кресты сельских церквей, выглянет серым пятнышком купеческий хутор — и опять поля, поля...

И народ не из бойких населяет эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразие края словно отозвались на нем. Нет в нем той разбитной юркости бывалого человека, которую щеголяет ярославец, нет и смысленности подмосковного жителя; не блещет он сметкою и талантливостью наторевшего в отхожих промыслах рязанца, не обладает находчивостью костромича, оборотливостью владимирца, стойкостью и энергией сибиряка. Он не поет тех исторических песен, которыми славится Поволжье; он не помнит ни Стеньки Разина, ни Ермака Тимофеевича; в его песнях и сказках нет тех преданий, которыми так богаты украинские думы, олонечские былины, поволжские песни. Вольная воля, богатырская сила, молодецкая удаль, насколько они выразились в коренном, старорусском эпосе, неизвестны ему. Его предания не поэтичны. В них, повторяю, и помину нет ни о Владимире Красном-Солнышке с его сильно-могучими богатырями, ни о новгородских укшуйниках⁽³⁾, то разбивавших богатые торговые суда, то ретиво ратовавших за вече, за свободу, то заселявших суровое Поморье, —

ни о понизовой вольнице с ее отчаянными атаманами и удалыми есаулами, разъезжающими в разукрашенных косных лодочках⁽⁴⁾ вдоль по матушке по Волге...

Зато он помнит все ужасы крепостного права. Помнит волостных голов, окружных, заседателей. Помнит времена заселения края, когда на целые сотни верст тянулись девственные степи, когда по берегам изобилующих рыбою рек и речонок высились дремучие леса, в которых водились косматые медведи и шаловливые белки; но татарские наезды, беспрестанно тревожившие новую «украину», уже не помнит он. Не вспоминает он в своих песнях ни о подвигах молодецкой удали, ни о милостивом божеском заступлении, несомненно имевшем место при обороне молодых поселений. Вечный недосуг, вечное чиновничье и помещичье ярмо как бы обесцветили его фантазию, притупили его память на все необычное, на все выходящее из уровня серенькой, прозаической действительности.

Он прежде всего землепашец. Не уважает новшеств, презирает городские нравы, плохо

верит начальству. Он тих, страшно терпелив, добродушен, но любит разгул, питает склонность к веселой беседе, и в пору этого разгула, во время этой беседы, становится раздражительным и буйным.

В нем тьма противоположностей, и поэт, скорбно обратившийся к нему с вопросом:

Так кто ж ты, наконец?! —

вероятно, не скоро дождетсѧ ответа.

Он добродушно верит в черта, с замечательной подробностью представляя не только его козни, но даже и наружность; он целыми массами стекается на поклонение к святым местам, в Киев, Задонск, Воронеж, и вместе с тем целые годы не говееет, лениво посещает свой приходский храм и не любит попа. Он основывает секты, идущие по пути рационализма дальше протестантства^[5], и наряду с этим бьет оглоблями колдунов, становится капканы на ведѣм и оборотней, косо глядит на «скромников». Он в большинстве плохой мирянин, а между тем не может себе представить иной формы землевладения, как общинная. С редким единодушием дерется «всем

миром» за спорные покосы с соседями, стойко отстаивает интересы мира в волости, с замечательной аккуратностью делает раскладки, делит «мирской» лес, «мирские» тяготы... А в земские гласные⁶⁾ выбирает «мироеда», оставляет без призора сирот и увечных, и — что главное — оказывается совершенно несостоятельным там, где требуется не одно только математическое распределение тяготы или пользование старыми правами и угождями по старым дедовским обычаям, а *мирская* инициатива, *мирская* предприимчивость и *мирское* единодушие. А это требование, конечно, предъявилось и предъявляется ему беспрепятственно новыми порядками, воздвигнутыми на новой, еще не изведанной им почве, — почве, созданной послереформенными экономическими и нравственными отношениями...

Своеобразен и противоречив он (как и во всем) в своих понятиях о нравственности и правде. Прощая волостным старшинам тысячные растраты, благодушно мотивируя их «человеческою слабостью», он совершенно бесчеловечно, с какою-то варварскою, холод-

ною жестокостью мучает, а иногда забивает и до смерти мелкого воришку, попавшегося с хомутом или холстами; разводя без помощи св. синода⁽⁷⁾, по одной только «своей мужицкой» совести мужа с женою, — народ этот в то же время порет розгами сноху, обругавшую распутника-свекра «черным словом».

Он таков, каким его воспитало многовековое ярмо.

Край пересекли железные дороги, в селах водворились кабатчики, в усадьбе — кулаки. Веяние трактирной цивилизации тлетворно пронеслось над тихими степными деревнями. Наряду с страшным развитием хищничества появился отхожий промысел. Зашаталась община под напором тысячи плотоядных инстинктов, зашевелившихся в степной глуши.

Степной мужик тих, страшно терпелив, добродушен... Тридцать лет тому назад и с этими только качествами ему жилось хорошо: земля рожала, хлеба до новины доставало с избытком, подати выплачивались; теперь он копит недоимки⁽⁸⁾, истощает землю, пьянствует и нищенствует... Прежних трех добро-

детелей оказывается недостаточно. Откуда же придут к нему те, которые одни только в силах противостоять всеразлагающему духу времени?..

Я не знаю, откуда придут они, эти другие добродетели, и мне страшно за мой край — степную сторону, и позабыть мне ее хочется, не думать о ней...

Но отчего же эта бесконечная ширь полей, эта уныло-однообразная равнина, где-где перемежаемая едва заметными возвышенностями, эти там и сям рассеянные села, хутора и усадьбы, этот убогий народ, — с таким непобедимым очарованием влекут меня к себе? Отчего мне вечно мерещится моя бедная родина с ее безбрежными полями, вечно вспоминается ее захватывающий душу простор, ее синеющая даль? Почему предо мною неотступно встают кусты и курганы, белеют высокие колокольни и уныло звенит тоскливая мужицкая песня?..

Вот и теперь, когда тусклый свет петербургского полдня тускло брезжит в мою тесную, затхлую квартирку, когда в запыленные окна виднеется лишь узкий, как колодезь,

двор да клочок серого холодного неба, когда с улицы доносится назойливый треск экипажей, лязг лошадиных копыт и возгласы кучеров, — вспоминаю я далекую родину... И кажется мне, что из какой-то едва досягаемой, чудно-таинственной дали с чарующей ясностью выступают и всецело заполняют меня родные картины...

И тоскливая печаль обнимает мое сердце, — печаль, мучительно, хотя вместе с тем и невыразимо-сладко колеблющая какие-то странные, болезненно-чуткие, болезненно-отзывчивые струны в моей груди...

Март 1880. С.-Петербург.

Комментарии

1

Дощаник — речное перевозное судно.

[^^^]

2

Расшива — речное парусное судно плоскодонной постройки.

[^^^]

Ушкуйники — новгородская вольница, вооруженные дружинники, которых снаряжали новгородские бояре и купцы. (От слова ушкуй — плоскодонная ладья с парусами и веслами.)

[^^^]

4

Косные лодочки — легкие лодки для переездов, на 6-12 весел.

[^^^]

Протестантство — название церковных направлений в христианстве, отделившихся от католической церкви во время Реформации (XVI век); в XVI–XVII веках протестантизм был действенным оружием в борьбе революционной буржуазии против феодализма.

[^^^]

6

Земские гласные — члены городских дум и земских уездных и губернских собраний.

[^^^]

Св. синод — высший орган управления православной церковью в России.

[^^^]

Недоимка. — В результате крестьянской реформы 1861 года крестьяне должны были выкупать свои земельные наделы, срок погашения выкупной ссуды устанавливался в 49 лет. Необходимость платить непомерный по своей величине выкуп, превышавший действительную цену земли, приводил к росту крестьянской недоимки. Недоимка — сумма налога, не внесенная в установленный срок и подлежащая взысканию. В царской России основная масса недоимки состояла из выкупных платежей крестьянского населения.

[^^^]